

16+

Борис Титов

*Горький
прикус
любви*

Борис ТИТОВ

Горький привкус любви

«Автор»

2017

Титов Б. А.

Горький привкус любви / Б. А. Титов — «Автор», 2017

Книга о романтических отношениях студентки и преподавателя — мужчины ее мечты. Действие повести развивается в университете, где на фоне деградации системы образования происходит противостояние между людьми ничтожными и благородными, заурядными и творческими, между разрушителями и созидателями. Сюжет основан на реальных событиях, свидетелем которых был автор, долгие годы работавший в вузе.

© Титов Б. А., 2017

© Автор, 2017

Любви моей ты боялся зря —

Не так я страшно люблю.

Мне было довольно видеть тебя,

Встречать улыбку твою.

Н. Матвеева

Глава I. Полина

Кафедра русской литературы из-за обилия экзотических цветов всевозможных видов больше походила на оранжерею.

Ольга Владимировна – пожилая, но по-прежнему миловидная и жизнерадостная женщина – устроилась сюда лаборанткой сразу же после окончания института. Человеком она была чрезвычайно доброжелательным и мудрым. Весь женский состав кафедры приходил к ней со своими проблемами, и для всех у Ольги Владимировны находились слова утешения и дельный совет. Цветы были ее страстью, и уже много лет часть растений, привозимых ее мужем со всех концов света, она приносила сюда.

Весной и летом кафедра превращалась в цветущий сад. Когда Ольга Владимировна поливала цветы, они трепетно шелестели листочками, и сладкий дурманящий запах пыльцы распространялся далеко за пределы комнаты. Особой гордостью Ольги Владимировны была бело-кремовая брунфельсия. Маленький кустик родом из Южной Америки цвел круглый год. На закате он источал нежный, а ближе к ночи – сладкий дурманящий аромат. Поздними вечерами на кафедре собирались ценители этого растения.

О каждом цветке у Ольги Владимировны была своя история.

– Знаете ли вы, – спрашивала она первокурсников, впервые пришедших на кафедру, указывая на горшок с ирисами, – что, когда римляне пришли в небольшое этрусское поселение, окруженное полями, сплошь покрытыми этими цветами, они назвали его Флоренцией, что переводится с латинского как «цветущая». А это – примула, – продолжала свой рассказ Ольга Владимировна, обращаясь теперь уже исключительно к юным студенткам, – она цветет ранней весной. Кто из девушек первой увидит цветение примулы, та в этом году непременно выйдет замуж. Так гласит легенда, и мои многолетние наблюдения подтверждают ее.

Весной девушки старались попасть на кафедру еще до начала занятий и очень расстраивались, обнаружив запертую дверь. Те же из них, кому первыми посчастливилось увидеть цветущую примулу, и в самом деле вскоре выходили замуж.

Обычно кафедра напоминала райский сад, но сейчас она больше походила на зловещие джунгли. Этому способствовало кроваво-красное цветение мексиканской коралловой лианы антигонон, обвивающей комнату вдоль карниза по всему периметру.

Длещаеся больше пяти лет реформирование некогда престижного и процветающего университета вконец обескровило и разорило его. Создавалось впечатление, что новый ректор, навязанный министерством, был прислан с одной целью – уничтожить вуз. В институт, утративший статус университета, абитуриенты не шли даже на бюджетные места. Финансирование урезалось, штат сотрудников сокращался.

В этих обстоятельствах ректор продал на совете решение об уменьшении часов, отведенных на литературу. В результате существенно сокращался курс русской литературы, а зарубежная и вовсе переводилась на уровень спецкурса, что практически уничтожало мощнейшую кафедру иностранной литературы. Никто не сомневался, что таким образом ректор решил избавиться от заведующего ею – строптивого Глеба Владимировича Виноградова.

В связи с этими обстоятельствами решено было провести заседание кафедры русской литературы, в ходе которого молодой заведующей Полине Георгиевне Ростовцевой предстояло сократить три ставки.

Глеб Владимирович подсказал ей мудрое решение: уволить двух совместителей и наполовину сократить нагрузку у троих пенсионеров. Но оставалось еще полставки, которые необходимо было у кого-то отнять, а это, учитывая мизерные преподавательские оклады, сделать было совсем не просто. Вряд ли кто-то добровольно согласится расстаться не то что с половиной ставки, но даже с ее четвертью. Похоже, ей придется самой решить эту проблему. Они с сыном и так еле сводили концы с концами, а сокращение семейного дохода в два раза поставило бы их на грань нищеты. Полина Георгиевна давно уже подумывала о том, чтобы перейти работать в школу, – и вот, кажется, наступил подходящий момент: и ее желание исполнится, и проблема, ко всеобщему удовольствию, решится. Глеб Владимирович, разумеется, будет против... Но она поставит его перед свершившимся фактом.

В ожидании начала заседания собравшиеся занимались привычными делами. Кто-то бурно обсуждал сложившуюся ситуацию. Андрей Николаевич – единственный мужчина на кафедре, молодящийся старичок весьма импозантной внешности с неизменной яркой бабочкой и голосом Зевса-громовержца – рассказывал аспиранту о нравственной сущности русской литературы. Но тому было явно не до разглагольствований мэтра. Заприметив прелестную студентку, пытавшуюся сдать задолженность похожей на ледяную статую Розалии Ивановне, он не сводил с юной красавицы восхищенного взгляда и совсем не слушал профессора.

Антонина Ивановна – сухощавая подвижная преподавательница с небрежно подведенными бровями над маленькими колючими глазками – донимала Ольгу Владимировну, которой всегда отчаянно завидовала: ведь у той был успешный муж, замечательные дети и очаровательные внуки – словом, все, о чем мечтает любая женщина. А чем она хуже нее? А вот поди ж ты – впереди одинокая старость, и ничего в ее жизни нет, кроме работы... Больше всего Антонину Ивановну злило то, что бывшая сокурсница никогда не стремилась сделать карьеру, всю жизнь проработала лаборанткой и при этом была счастлива. Правда, несколько лет назад эту должность с целью повышения статуса переименовали в методиста, но Ольге Владимировне почему-то это не нравилось, и она по-прежнему представлялась лаборанткой кафедры. Студенты и коллеги относились к Антонине Ивановне с большим уважением, а ее чрезмерную агрессивность по отношению к лаборантке оправдывали несложившейся личной жизнью. Но заведующий кафедрой психологии объяснял эти странные отношения энергетическим вампиризмом Антонины Ивановны, так как после очередной атаки на Ольгу Владимировну она успокаивалась и настроение ее заметно улучшалось.

– Да ты посмотри: вот моя прошлогодняя нагрузка! – кричала Антонина Ивановна. – А вот нагрузка этого года, она значительно больше. Я не хочу сказать, что ты нарочно добавила мне часы, да еще и лекционные. Надеюсь, это просто ошибка. Пересчитай, пожалуйста. Последнюю фразу она произнесла больше для собравшихся на кафедре, чем для Ольги Владимировны.

– Антонина Ивановна, вы же знаете, что не я определяю объем нагрузки, я лишь подсчитываю и ввожу часы в учебный график.

Ольга Владимировна никого не позволяла себе называть на «ты», даже студентов.

– В этом году нагрузка увеличена у всех, причем у вас значительно меньше, чем у других. И потом, вы, вероятно, забыли, что этот вопрос мы уже обсуждали в конце прошлого учебного года.

– Ты что, намекаешь на мой пенсионный возраст? – взвилась Антонина Ивановна.

– Ну что вы, все знают, что вы прекрасный преподаватель! Студенты в восторге от ваших лекций! Думаю, что именно поэтому вам добавили еще один курс.

– Ладно, вижу, с тобой говорить бесполезно, – бросила явно польщенная Антонина Ивановна и оставила бывшую сокурсницу в покое.

Справедливости ради надо заметить, что Антонина Ивановна действительно была преподавателем от бога и прекрасно знала свой предмет. К тому же школа Глеба Владимировича Виноградова, под началом которого она проработала много лет, тоже явно не прошла даром.

«Творчество любого писателя, поэта обусловлено социальной средой. При этом важнейшим ключом к пониманию личности, а следовательно, и творчества художника слова могут стать, казалось бы, незначительные детали его бытия, которые нередко выпадают из поля зрения исследователей. Внимательно изучите жизнь того или иного писателя – и тогда вашему пониманию станут доступны тончайшие нюансы его произведений», – часто повторял Виноградов и рассказывал о мало кому известных фактах биографий знаменитостей, предопределивших своеобразие их творчества.

Антонина Ивановна хорошо усвоила эти уроки. Она скрупулезно исследовала жизненный путь каждого писателя, о котором ей предстояло рассказать студентам, переживая его взлеты и падения, как события собственной жизни. Ее лекции изобиловали экскурсами в историю и психологию.

В углу комнаты в театральной позе сидела Наталья Николаевна и, печально глядя в окно, излагала студентке свои соображения по поводу курсовой работы, которые та лихорадочно записывала в тетрадь. Наталья Николаевна поразительно походила на молодую Ахматову. Поговаривали, что для этого ей пришлось перенести не одну пластическую операцию. И быть бы преподавательнице объектом насмешек, если бы не знала она наизусть все стихи Анны Андреевны и не читала бы их с таким неподдельным чувством, так проникновенно, будто они были ее собственными, выстраданными. За этот талант ее слушатели, коллеги и студенты готовы были снисходительно относиться к странностям Натальи Николаевны. Ее приглашали на все творческие вечера, посвященные Ахматовой, и зрители были уверены, что перед ними выступает загримированная актриса.

Алина Рахимовна – жгучая брюнетка, дама с выразительной восточной внешностью – обговаривала с преподавателем кафедры иностранной литературы последние детали предстоящей конференции и уже в который раз громко взывала к присутствующим:

– Коллеги, напоминаю: сегодня последний день подачи тезисов на конференцию!

Ее призыв повисал в воздухе – все продолжали заниматься своими делами.

– Вот видите, Александр Александрович, – с досадой говорила Алина Рахимовна, обращаясь к собеседнику, – ноль эмоций.

Из закутка, отгороженного от основного помещения листом фанеры, вышла заведующая кафедрой Полина Георгиевна. Строгий элегантный костюм подчеркивал ее безукоризненно стройную фигуру. При полном отсутствии косметики на ее лице не обратить внимания на эту женщину было невозможно: большие карие глаза в обрамлении пушистых ресниц под красиво очерченными бровями, нежная, слегка смуглая кожа, яркие чувственные губы, темные шелковистые волосы...

– Коллеги, начинаем заседание кафедры, – объявила Полина Георгиевна, и собравшиеся поспешили завершить свои дела. – Повестка дня вам известна, – продолжала она. – Начнем со злополучного вопроса подготовки учебно-методических комплексов. Во-первых, я хочу поблагодарить вас за выполненную в срок работу. Впрочем, лучше бы мы не были такими исполнительными, потому что ректор кардинально пересмотрел структуру УМК и теперь все надо делать заново.

– Это возмутительно, мы ведь уже не единожды все переделывали! – прогремел Андрей Николаевич. – Думаю, теперь не надо ничего делать, так как следующим этапом будет опять переделывание переделанного.

Дверь распахнулась, и в комнату буквально ворвалась запыхавшаяся Людмила Алексеевна.

– Заседание уже началось, – строго заметила ей Полина Георгиевна.

– Вы что, какое заседание? – закричала Людмила Алексеевна. – Вы что, не знаете?! Конечно не знаете... – теперь уже почти шепотом пробормотала она. – Виноградов умер. Мне только что сказала Волошина. Час назад Глеб Владимирович не пришел на встречу. Стали ему звонить – ни он, ни жена не отвечают, вышли на детей – а он, оказывается, умер. Умер ночью, во сне.

На миг в комнате воцарилась звенящая тишина. Неслышный до этого рев машин, снующих под окнами, пронзил внезапно образовавшуюся пустоту.

– Как? – беззвучно прошептала Полина Георгиевна. Она попыталась встать, но как-то разом обмякла и без чувств рухнула в кресло.

Она не помнила, как оказалась на улице. Было темно, падал хлопьями мокрый снег, и холодный злой ветер пробирал до костей. Редкие прохожие тщетно пытались спрятаться под зонтиками – резкие порывы ветра мгновенно выворачивали и ломали их.

Такая же погода стояла много лет назад, в первый день занятий второго семестра, но тогда она не казалась такой мерзкой.

В ее группе начинались факультативные занятия, и надо было выбрать два курса из пяти предложенных. Перед студентами выступили преподаватели, представляя им свои факультативы, и все девушки записались на курс именно к *нему*. Он не мог не привлечь внимания прекрасного пола: на вид лет сорока, высокий, стройный, загорелый, черные, как угли, глаза, черные же длинные, до плеч, густые и слегка вьющиеся волосы, восточного типа борода и бездна обаяния. При виде него сердце Полины замерло, а потом бешено забилося – это было живое воплощение ее девичьих грез, идеальный мужчина, образ которого она создала в своем воображении, будучи еще подростком!

– И в заключение я предоставляю слово заведующему кафедрой литературы профессору Глебу Владимировичу Виноградову, – объявил декан.

Спецкурс, который вел этот преподаватель, назывался «Русская лирическая поэзия от А. Пушкина до Е. Евтушенко». За весьма короткое время, отведенное ему на выступление, он умудрился сделать обзор творчества (разумеется, далеко не полный) не менее двух десятков поэтов. При этом Виноградов рассказывал о них как о старых добрых знакомых. А строки их стихов в его исполнении звучали так, будто с их помощью он хотел открыть студентам великую тайну поэзии. Свое выступление Глеб Владимирович закончил словами:

– Вполне могло случиться, что те люди, о которых я вам рассказал сегодня, и не стали бы великими поэтами, если бы в их жизни не произошло чуда и они не встретили удивительных женщин, ставших их музами.

Первый семестр Полина закончила отнюдь не блестяще. Нет, она не была троечницей. В ее зачетке кроме четверок встречались и пятерки, но особого интереса к учебе она не испытывала. В университет девушка поступила за компанию с подругой и училась без особого рвения. Теперь же, когда в ее жизни появился Глеб Владимирович, Полина считала недопустимым

не знать того, о чем он рассказывал, и всерьез занялась самообразованием – она читала всю литературу, о которой он упоминал хотя бы вскользь. Нередко его занятия превращались в диалог с Полиной. Она понимала, чувствовала Глеба Владимировича, он был для нее эталоном образованности, средоточием мудрости. Иногда девушка задавалась вопросом: чего ради она так усердствует? Ради знаний или ради того, чтобы привлечь его внимание? Но она не могла ответить на него однозначно. С одной стороны, Полина давно уже вынуждена была признаться себе в том, что безумно влюблена в своего преподавателя, и поначалу старалась блеснуть на занятиях, чтобы вызвать его интерес к себе. Но с другой стороны, случилось так, что она незаметно для себя увлеклась учебой, ей стал по-настоящему интересен этот бесконечный процесс познания. Итогом этой метаморфозы стал красный диплом, полученный Полиной по окончании университета.

Когда ей предложили поступить в аспирантуру, она сразу же согласилась, тайно лелея надежду на то, что ее научным руководителем будет Глеб Владимирович. И как же счастлива была Полина, когда именно так и случилось!

В Пскове проходила всероссийская конференция аспирантов, получивших гранты от правительства, и их научных руководителей. Среди ее участников были и Полина с Глебом Владимировичем. Виноградов был известным специалистом в своей области, и, конечно же, ему очень хотелось, чтобы его аспирантка «прозвучала». При подготовке доклада бились над каждым словом, отработывали каждую интонацию. Выступление Полины о духовности русской литературы произвело фурор. Не было ни одного другого сообщения столь убедительного и при этом столь эмоционального. Полина прекрасно владела материалом, и в ее выступлении чувствовалось глубокое знание предмета.

– Полина, это не просто успех, это ваша путевка в профессиональную жизнь, – заявил Глеб Владимирович, которого прямо-таки распирало от гордости за свою аспирантку. – Теперь вас знают и будут приглашать, заказывать статьи, ведь здесь собрался весь цвет литературного сообщества. Поверьте мне: профессионалы, умеющие столь эмоционально выразить свои мысли, нынче большая редкость! Старик уходят, среднего поколения в этой среде практически нет, а молодежь пока еще не научилась. Ваш звездный час непременно следует отметить, и я приглашаю вас в ресторан.

Полина растерялась. Господи, ну почему она не послушалась свою подругу Светку, которая говорила ей:

– Это твой шанс – смотри, не упусти его! Возьми самое красивое вечернее платье – там наверняка будут какие-нибудь неформальные встречи, вот там-то ты его и возьмешь тепленьким. Ты и так потратила на свои воздыхания три года. Я на твоём месте уже давным-давно увела его от жены.

От жены Полина уводить его не собиралась, а вот с вечерним платьем оплошала – взяла с собой только деловой костюм. Если она явится на ужин в таком виде, то вряд ли вдохновит Глеба Владимировича на что-то большее, чем поздравления с успехом, а ей так отчаянно хотелось, чтобы он наконец-то увидел в ней женщину! Иначе сбудутся пророчества подруги: через месяц, а именно – после того, как она защитит кандидатскую, их пути разойдутся и больше они не увидятся.

Полина долго скрывала свои чувства к Глебу Владимировичу от Светланы, но та давно уже все поняла и без ее откровений и без конца подтрунивала над ней. Завидев его в конце коридора, она шептала Полине:

– Смотри-смотри, твой кумир идет!

И Полина, не помня себя от смущения, на негнувшихся ногах проходила мимо Глеба Владимировича, с трудом выдавив из себя слова приветствия. Светку эта ситуация чрезвычайно забавляла. Если же Полине на занятиях или при случайной встрече удавалось привлечь его внимание и побеседовать с ним, подруга считала своим долгом спустить ее с небес на землю:

– Зря стараешься: ты явно не в его вкусе.

Полина никак не могла упустить шанс, предоставленный ей самой судьбой. Переодевшись в номере во в спешном порядке купленное вечернее платье и надев новые же туфли на высоченной шпильке, она спустилась вниз.

– Вы великолепны! – воскликнул Глеб Владимирович, встретив ее в вестибюле. И это вовсе не было дежурным комплиментом. Она и в самом деле была удивительно хороша в этот вечер: раскрасневшаяся от волнения, с блестящими темными глазами, в облегающем платье, подчеркивающим все достоинства ее безупречной фигуры. Полина же отнесла его восторженное приветствие исключительно на счет своего наряда:

– Вот, только что купила, – смущенно пробормотала она.

Ужинали в гостиничном ресторане. Оркестр исполнял знойное аргентинское танго. Глеб Владимирович пригласил Полину на танец, и пара вышла на середину зала. Они впервые оказались так близко, лицом к лицу. От волнения девушка едва могла дышать. Глеб Владимирович протянул ей руку – она доверчиво вложила в нее свою. Другой рукой он нежно и в то же время крепко обнял ее за талию. И с этого мгновения весь мир для Полины перестал существовать, были только он, она и эта пьянящая музыка. Глеб Владимирович оказался прекрасным партнером. Он вел ее в танце уверенно и властно, и девушка безропотно подчинялась каждому его движению. Полина наслаждалась их близостью, и ей отчаянно хотелось, чтобы этот танец длился вечно.

Но вот музыка смолкла, и они вернулись за свой столик. Потягивая вино, обсуждали события дня, доклады, прозвучавшие на конференции. Справедливости ради надо отметить, что говорил в основном Глеб Владимирович, а Полина, не сводя с него влюбленных глаз, ловила каждое его слово. На улице стемнело, включившиеся за окном прожектора высветили белый силуэт псковской крепости.

– Посмотрите, Полина, как изменился облик грозной цитадели! Сейчас она выглядит вполне мирно, я бы сказал, даже романтично.

– Вы правы: очень красиво. Но знаете, из окна моего номера, который, как и ваш, находится на пятом этаже, видна еще и река – и крепость, отражаясь в воде, выглядит просто сказочно. Я каждый вечер наслаждаюсь этой картиной.

Ресторан почти опустел, и они поднялись наверх. Поравнявшись со своим номером, Глеб Владимирович остановился и неожиданно спросил:

– А не полюбоваться ли нам на волшебный вид кремля? Я-то из своего окна вижу лишь унылые новостройки.

– Почему бы и нет? – мгновенно отозвалась Полина и быстро, словно боясь, что он передумает, направилась к своему номеру.

Войдя в комнату, она сразу направилась к окну и раздвинула шторы. Глеб Владимирович подошел сзади и, обняв девушку, положил подбородок ей на плечо. Перед ними предстали мощная и величественная белокаменная крепость во всем своем великолепии и ее зыбкое отражение в речной глади. Нависшие над рекой ивы нежно касались поверхности воды едва проклюнувшимися листьями. Магия лунного света пробуждала страсть.

В оконном стекле на фоне крепости отражались их красивые лица. Это была картина из сна Полины, который ей часто снился: будто она стоит у зеркала, а из бесконечной глубины комнаты медленно подходит он, обнимает ее и спрашивает:

– Ты ждала меня?

– Да, я ждала тебя, ждала с самой первой нашей встречи. Я верила... нет, я знала, что это случится, что мы будем вместе и будем любить друг друга, – отвечает она и не понимает, во сне это происходит или наяву.

Полина повернулась к Глебу Владимировичу и крепко, словно боясь потерять, обняла его, прижавшись к нему всем телом. Шепча: «Любимый, желанный, единственный мой», она покрыла его лицо быстрыми и нежными поцелуями. Сердце девушки билось так часто, что казалось еще мгновение – и она потеряет сознание. Ее ноги подкосились, и она начала оседать. Глеб Владимирович подхватил ее и бережно уложил на кровать.

Полина страстно желала и одновременно страшилась того, что неизбежно должно было случиться этой ночью. И это не удивительно: ведь до этого в ее жизни не было места мужчинам. Ей не составляло никакого труда хранить целомудрие, ибо никто, кроме него, не был ей нужен. В своих мечтах девушка представляла, как будет тронут ее любимый, когда поймет, что именно ему она подарила свою девственность.

Находясь в полузабытьи, Полина чувствовала горячее дыхание любимого на своей щеке. Его ласки становились все смелее и настойчивее, и тело девушки невольно начало откликаться на них. Она испытывала доселе незнакомые ей ощущения – нет, это не была страсть, скорее чувство всепоглощающей нежности, желание полного слияния с ним. В какой-то момент, ощутив резкую боль, она, с трудом сдержав стон, еще крепче прижала его к себе.

Через несколько минут, покрыв лицо девушки благодарными поцелуями и прошептав несколько дежурных фраз о волшебных мгновениях, которые она ему подарила, Глеб Владимирович включил лампу на прикроватной тумбе, откинул одеяло и потянулся за одеждой. Надев рубашку и брюки, он встал и повернулся к Полине. Взгляд его уперся в кровавое пятно, расплывшееся по простыне. Девушка заметила выражение нескрываемой брезгливости на лице Глеба Владимировича и отшатнулась, словно ее ударили по лицу. Пробормотав что-то об ожидающем их завтра тяжелом дне и пожелав ей спокойной ночи, он выскочил из номера.

Полина сидела на кровати, тупо уставившись на злополучное пятно, вызвавшее такую неадекватную реакцию ее любимого. Ей и в голову не могло прийти, что это несомненное свидетельство ее невинности могло быть истолковано каким-то иным образом. Так плохо Полине еще никогда не было. Вечер, который должен был стать самым счастливым в ее жизни, закончился так мерзко. Девушка силилась, но не могла понять, что произошло. Может быть, он решил, что случившееся накладывает на него какие-то обязательства и она начнет требовать их исполнения? Но ей ведь ничего, кроме его любви, не нужно. Если бы у него хватило мужества поговорить с ней, он бы, несомненно, это понял. Полине было невыносимо больно. Кто она для него? Персонаж очередной интрижки? Еще одна строчка в его донжуанском списке?

Утром зазвонил телефон. Полина продолжала сидеть все в той же позе, не в силах сдвинуться с места, уставившись невидящим взглядом на голую стену номера. Телефон все звонил и звонил, но она его не слышала. Ей ни до чего не было дела. Ее мир рухнул.

Полина брела по улицам, не разбирая дороги и не понимая, куда и зачем она идет. Косынка сбилась с ее головы и мокрой тряпкой повисла на плечах. Волосы растрепались на ветру и покрылись хлопьями снега, которые таяли и, словно слезы, стекали по лицу тонкими струями.

Она вспомнила, как теплым июньским вечером возвращалась с банкета, состоявшегося по поводу ее триумфа: защита прошла с блеском. Полина с благодарностью принимала искренние поздравления коллег и была абсолютно счастлива: теперь она кандидат наук и скоро станет мамой. Несмотря на то что все были уверены в том, что с первого сентября «блистательная Полина пополнит ряды кафедры» (именно так выразился Глеб Владимирович на защите), у

нее были совсем другие планы: она решила уволиться из университета и больше туда никогда не возвращаться. Как раз накануне защиты девушка узнала, что беременна. Этот факт скорее обрадовал, чем испугал ее. Ведь это был его ребенок! «Господи, сделай так, чтобы это был мальчик и чтобы он непременно был похож на моего любимого!» – молила Бога Полина бессонными ночами. Она понимала, что быть матерью-одиночкой очень непросто, но твердо решила, что Глеб Владимирович никогда не узнает о своем отцовстве. Единственными людьми, на которых она могла положиться в этой ситуации и на чью помощь могла безоговорочно рассчитывать, были ее родители. Полина не сомневалась, что все проблемы так или иначе разрешатся, будущее не пугало ее. Главное – что она носит под сердцем, переполненным любовью, его частичку. И пусть им не суждено быть вместе, она будет продолжать любить его в их ребенке. Так рассуждала Полина тем душным июньским вечером.

И вот его больше нет – единственного, любимого, самого нежного, доброго, мудрого... Полина могла бы бесконечно перечислять достоинства Глеба Владимировича. Он ушел, но остался сын – их сын, его полная копия, глядя на которого, она всегда будет вспоминать любимого. Как Глеб Владимирович не замечал их поразительного сходства? Может быть, ему просто не приходило в голову, что именно он, а не ее муж отец мальчика?... «Ну что ж, мне есть ради кого жить!» – подумала Полина, и на какое-то мгновение ей стало легче.

В это нелегкое для Полины время родители уже в который раз поразили ее своей деликатностью.

В их семье всегда царили доброта и взаимопонимание. Самым страшным наказанием для девочки было увидеть расстроенное лицо мамы и услышать ее произнесенные с укоризной слова: «Полина, как ты можешь?»

В эти мгновения она была готова от стыда провалиться сквозь землю. Девочка даже не задумывалась над тем, права она в этой ситуации или нет, ей просто хотелось немедленно все исправить и никогда больше не огорчать свою горячо любимую маму.

А папа и вовсе ни разу в жизни не одернул и не упрекнул ее. Реакция отца на любой ее проступок обескураживала Полину. Он нежно прижимал ее к себе и говорил: «Не огорчайся, дочка, с каждым может случиться».

И девочка искренне верила, что все плохое позади и ничего скверного в ее детской жизни больше не будет.

Почти все выходные семья проводила на даче, где между вековыми соснами и елями был обустроен французский огород. На крохотных искусно оформленных клумбах кроме разнообразных овощей росли цветы и декоративные кустарники, плодовые деревья гармонично вписывались в садоводческий шедевр. Красиво оформленные дорожки и огромные валуны завершали продуманную композицию.

Первая осень нового тысячелетия выдалась на редкость теплой. За ужином Ирина Викторовна, мама Полины, обратилась к ней:

– Обещают дожди. Давай, детка, поможем завтра папе вскопать грядки – один он до дождей не управится.

– Мне нельзя, – робко отозвалась Полина, – я беременна.

– Как?! – с радостным удивлением воскликнул отец.

– И давно? Срок какой? – спросила мать.

– Пятый месяц пошел.

– А кто отец? – с деланным безразличием поинтересовался Георгий Егорович.

– Помните, в начале мая я была на конференции в Пскове? Познакомилась там с парнем из Владивостока, влюбилась, но он после этого ни разу не позвонил.

– А о ребенке ты ему сообщила? – с надеждой спросила мать.

– А зачем навязываться? – ответила Полина.

– Ну, смотри: ты, конечно, в любой момент можешь изменить свое решение и поставить его в известность, но для нас с матерью это не принципиально, мы в любом случае будем счастливыми бабушкой и бабушкой, – сказал отец. – Ждем-то кого: мальчика или девочку?

– Мальчика, – растерянно произнесла тронутая такой реакцией родителей Полина.

– Радость-то какая, дождался! – воскликнула мать. – Папа очень сына хотел, – пояснила она дочери. – Вот тебе разом и внук, и сын будет!

Тут же на семейном совете было принято единогласное решение назвать малыша Егором – в честь прадеда. Не выдержав обрушившихся на нее эмоций, Полина неожиданно для себя разрыдалась, и родители дружно принялись утешать своего ребенка, готовящегося стать матерью.

Морозным мартовским днем Полина гуляла во дворе с малышом. Он лежал в коляске, шурясь от ярких лучей весеннего солнца, и улыбался.

– Надо было назвать его Смеяном – было такое древнеславянское имя. На редкость жизнерадостный малыш! – заметил как-то Георгий Егорович. – Жаль, что подобные имена у нас теперь не в чести.

– Здравствуй! – услышала Полина за спиной знакомый голос. Она оглянулась и увидела Кирилла – своего одноклассника и давнишнего воздыхателя.

Молодой человек был безнадежно влюблен в нее с первого класса. Ирина Викторовна в шутку называла его «рыцарем печального образа». Все школьные годы Кирилл пытался завоевать сердце Полины. Но все его усилия были тщетны. Она относилась к нему как к славному парню, хорошему приятелю – и не более того. Кирилл был круглым отличником, гордостью школы, да к тому же очень симпатичным. Он разбил немало девичьих сердец, но ему была нужна только Полина.

Как-то раз Кирилл, случайно встретившись с Ириной Викторовной, не столько в шутку, сколько всерьез сказал:

– Ну вот, теперь я дипломированный специалист и готов сделать официальное предложение вашей дочери.

После этого родители повели на Полину массированную атаку. Поскольку они знали Кирилла с детства, им не составило труда долго и методично перечислять его многочисленные достоинства.

– Ведь какой завидный жених, а папе-то как нравится! – выдвинула последний аргумент Ирина Викторовна.

– Такой завидный жених – и холостой? – отшутилась Полина.

И вот он стоял рядом, и было видно, что он искренне рад встрече.

– А я и не знал, что ты вышла замуж. Поздравляю! И кто же этот счастливец?

– Я не замужем, – смущенно ответила Полина.

– И давно?

– Да и не была никогда.

– А кто этот чудо-ребенок? Мальчик или девочка?

– Это мальчик, – улыбнулась Полина. – И зовут его Егор.

– Не иначе как само Провидение привело меня сюда! Полина, только, пожалуйста, не перебивай меня! Я знаю, что выгляжу сейчас нелепым и смешным, но... выходи за меня замуж! Ты ведь знаешь, что я однолюб и никто, кроме тебя, мне не нужен. Поверь: я буду самым

лучшим в мире мужем и отцом! Вы никогда и ни в чем не будете нуждаться. Ради бога, не спеши говорить «нет»!

Полина растерялась. Она была совершенно не готова к такому повороту событий. Да, конечно, молодая женщина знала, что Кирилл давно и безнадежно влюблен в нее, знала, что он глубоко порядочный и чрезвычайно ответственный человек. Разумеется, он прав: Егору нужен отец. Но если она свяжет свою жизнь с другим мужчиной, ей придется навсегда расстаться с самой заветной своей мечтой: быть рядом с любимым...

Кирилл напряженно ждал ее ответа, не сводя с нее любящих глаз. И Полина решилась:

– Кирилл, ты прекрасный человек, может быть, даже лучший из всех, кого я знаю, за исключением, разумеется, моего отца. Я бесконечно тронута твоим предложением. Ты абсолютно прав: вряд ли кто-то будет лучшим мужем и отцом. Я не говорю тебе «нет», но мне надо все хорошенько обдумать, прежде чем дать окончательный ответ. Слишком все неожиданно. Надеюсь, ты меня поймешь.

Лицо Кирилла мгновенно просветлело, и он облегченно вздохнул.

– Господи, я ждал этого мгновения столько лет – неужели ты думаешь, что я не подожду еще немного? Только, пожалуйста, разреши мне навещать вас, хотя бы изредка.

– Ну конечно! Мы всегда будем рады тебя видеть. Да и папа с мамой тоже, – добавила Полина с улыбкой, вспомнив яростную атаку родителей.

Весь вечер Полина провела в слезах. О чем она плакала? О том, что ей было жалко себя, или оттого, что она окончательно теряет Глеба Владимировича, Полина не знает и теперь, но помнит, какими горькими были те слезы.

Через полгода они поженились, и Полина с сыном переехала к Кириллу. Его квартира была хоть и небольшая, но очень уютная. И в этом была несомненная заслуга матери Кирилла, которая не так давно ушла из жизни. Полина с одноклассниками часто и с удовольствием бывали в их гостеприимном доме. Тогда она и представить себе не могла, что в один прекрасный день станет здесь хозяйкой.

– Господи, как у тебя хорошо! – совершенно искренне вырвалось у Полины, когда она переступила порог квартиры.

– Не у тебя, а у нас, – поправил ее Кирилл. – Тебе правда нравится? Но если ты вдруг захочешь что-то переделать или обновить, я вовсе не буду против.

– У тебя была замечательная мама! Чувствуется, что она вложила в обустройство этого жилища всю свою душу. К тому же у нее был отменный вкус. Так хорошо мне было только в доме родителей. Я ничего не хочу и не буду переделывать, – сказала Полина. – Здесь все именно так, как сделала бы я сама, если бы мне пришлось этим заниматься.

– Очень рад это слышать! Но не забывай: теперь ты здесь хозяйка и квартира в полном твоём распоряжении.

– Спасибо, дорогой! Я сделаю все, что в моих силах, чтобы мы были счастливы в этом доме, – с этими словами Полина обняла мужа и нежно его поцеловала.

Но кое-какие изменения все-таки пришлось сделать. В комнате Егора сначала появились кровать и манеж, затем – горки и лабиринты и, наконец, целый спортивный комплекс. Кирилл с удовольствием играл с малышом, а Полина с умилением наблюдала за их возней. Он искренне привязался к мальчику.

Егору исполнилось три года, когда Ирина Викторовна вышла на пенсию и взяла на себя заботы о внуке. Полина позвонила Глебу Владимировичу и без обиняков спросила:

– Я могу вернуться на кафедру?

– Безусловно! – прозвучало в ответ. – Приезжайте в университет, обсудим детали, и с первого сентября можете приступать к работе.

С первого сентября Полина начала преподавать курс древнерусской литературы, тщательно подготовленный за лето.

На кафедре царил атмосфера творческого хаоса. Каждый преподаватель читал свой курс так, как считал нужным. Сюда бесконечным потоком стекались представители литературной элиты Петербурга. Споры о русской литературе и о месте в ней того или иного писателя не стихали здесь до позднего вечера. Кафедра больше напоминала своего рода постоянно действующий литературный клуб.

Глеб Владимирович недавно вернулся из Америки, где, получив грант Библиотеки Конгресса, около двух лет занимался исследованием творчества Теодора Драйзера. Опираясь на архивные материалы, пролежавшие семьдесят лет в спецхране после поездки писателя в СССР, Глеб Владимирович заставил американских биографов Драйзера по-новому взглянуть на творчество писателя и его общественную деятельность, чем снискал их признательность и уважение. И теперь у него постоянно гостили коллеги из разных стран.

Полина была рада знакомству с людьми, статьи и книги которых ей доводилось читать. Она восхищалась ими, и то, что сейчас они общались с ней на равных, она воспринимала как еще один подарок судьбы.

Казалось бы, все в ее жизни сложилось наилучшим образом: заботливый муж, чудесный сын, интересная работа в коллективе коллег-единомышленников и любимый человек, пусть не с ней, но рядом – они виделись теперь очень часто. Правда, оба вели себя так, будто ничто, кроме исключительно деловых отношений, их никогда не связывало...

И все-таки было одно весомое «но», отравлявшее в целом вполне благополучную жизнь Полины. И звали это «но» Диной. Девушка с модельной внешностью пришла работать на кафедру в качестве специалиста в области русской поэзии второй половины двадцатого века. Потребовалось совсем немного времени, чтобы всем стало ясно: в этой очаровательной головке нашлось место чему угодно, но только не литературе. Ходили слухи (и, похоже, небезосновательные), что на кафедре она оказалась по протекции весьма высокопоставленного чиновника. Но Полине не было абсолютно никакого дела до ее непрофессионализма, ее волновало и раздражало другое, а именно – то, как эта особа вела себя по отношению к Глебу Владимировичу. Складывалось впечатление, что Дина задалась целью продемонстрировать всем сотрудникам, что ее с ним связывают отнюдь не только служебные отношения. Если ей надо было поговорить с Глебом Владимировичем, то она подходила к нему так близко, что тела их практически соприкасались. При этом девушка беспрестанно что-то шептала ему на ухо, вцепившись в лацканы его пиджака и заставляя наклоняться к себе. Было очевидно, что он чувствует себя в подобной ситуации крайне неловко. Полину не могли не раздражать вопиюще вульгарное поведение девицы и ее откровенное кокетство с Глебом Владимировичем. И хотя она всячески пыталась убедить себя в том, что это всего-навсего неуклюжие попытки флирта, острые уколы ревности доставляли ей немало мучительных минут.

– Послушай, Кирилл! Похоже, мы теперь богачи, – шутливо обратилась Полина к мужу, вернувшись однажды вечером из магазина. – Я поймала себя на том, что, делая покупки, совсем перестала обращать внимание на ценники...

– Значит, настало время затянуть пояса потуже. Понимаешь, тут такая история... В общем, мне предложили учебу в ординатуре с последующей стажировкой в Германии. Денег у нас, конечно, станет меньше, но зато через три года я стану высококлассным кардиохирургом. Думаю, хватит уже ходить в ассистентах. Как ты на это смотришь?

– Господи, да это просто замечательно! – воскликнула Полина. – Ты же знаешь: я умею экономить и смогу уложиться в любой бюджет. Такую возможность ни в коем случае нельзя упустить – завтра же начинай оформлять документы!

– Спасибо тебе, родная! – растроганно произнес Кирилл. – Я бесконечно счастлив: ты не только моя любимая жена, ты еще и самый лучший мой друг! А это, согласишься, большая редкость!

Им было по-настоящему хорошо вместе. Они научились понимать друг друга с полуслова, с полувзгляда. Полина была бесконечно благодарна мужу за его трепетно-нежное отношение к Егору, которого он усыновил, за его безграничную любовь к ней самой, за его трогательную заботу о них обоих. Для нее он был олицетворением доброты и порядочности. С ним Полина поняла, что значит «быть как за каменной стеной». Да, Кирилл действительно стал ее «стеной», ее опорой, человеком, на которого она могла положиться и на помощь которого могла рассчитывать абсолютно в любой ситуации. Полина его, безусловно, любила... но не более чем лучшего в своей жизни друга. Вовсе не он был героем ее сексуальных фантазий. Молодую женщину мучило чувство вины – ей было невыносимо стыдно, но это было сильнее ее. Она была не в силах справиться с любовью к человеку, когда-то так жестоко обидевшему ее. И поэтому ночи, проведенные в объятиях Кирилла, становились для Полины пыткой. Когда ей приходилось заниматься с ним любовью, она прибегала к древней, как мир, женской уловке: закрывала глаза и представляла на его месте Глеба Владимировича. И тогда не нужно было изображать страсть: она становилась подлинной, а нашептываемые ему нежные слова – искренними. Но как же мучительно больно было Полине, когда, открыв глаза, она видела счастливое лицо Кирилла, который всегда и безоговорочно ей верил. В такие минуты молодая женщина ненавидела себя.

Начался очередной учебный год. Все сотрудники кафедры приступили к работе. Только Дина пока еще не вернулась из отпуска. Поскольку такое случалось и прежде, никого ее отсутствие особо и не встревожило: никуда не денется – появится и, как всегда, выдаст на-гора какую-нибудь умопомрачительную причину своей задержки. И вдруг – как гром среди ясного неба: Дина погибла в автокатастрофе где-то в австрийских Альпах.

Дина, умопомрачительно красивая девушка из глубинки, поступила на филфак захудалого частного вуза на платную форму обучения. Впервые оказавшись в большом городе, юная особа с головой окунулась в вихрь развлечений, которые он предлагал на выбор в невероятном количестве: бесконечная череда вечеринок, клубы, бары... Ну какая уж тут учеба! Последствия не заставили себя долго ждать: на втором курсе, как ни заинтересована была администрация в сохранении поголовья студентов, ее все же отчислили.

Дина сидела на парапете набережной Невы лицом к воде, свесив ноги, и размышляла, как ей быть в создавшейся ситуации. О возвращении домой не могло быть и речи – никаких

перспектив в этом захолустье у нее не было и быть не могло. Значит, придется искать работу и как-то решать проблему с жильем. Но как это все осуществить на деле, она не имела ни малейшего представления. «Господи, как это все некстати!» – с раздражением подумала Дина и вдруг услышала взволнованный мужской голос:

– Девушка, что вы делаете? Так и до беды недалеко – ведь упадете!

Оглянувшись, она увидела пожилого, но весьма импозантного человека, с неподдельной тревогой смотревшего на нее.

– А я, может, именно этого и хочу, – с вызовом ответила Дина.

Похоже, в этот момент на ее лице читалось такое искреннее отчаяние, что старик крепко ухватил ее за рукав и не отпускал до тех пор, пока она не слезла с парапета.

Пара-тройка лекций по литературе, на которых все-таки довелось побывать Дине, явно не были зря потраченным временем. Не лишенная актерского дара, она, для пушей убедительности пустив скупую девичью слезу, поведала старичку, оказавшемуся физиком-ядерщиком, академиком и при этом вдовцом, к тому же бездетным, такую душеспитательную историю, что тот, растрогавшись, пригрел ее не только у себя на груди, но и в своей огромной пятикомнатной квартире.

Он был старше ее на пятьдесят с лишним лет, но это не помешало им заключить брачный союз: не жить же во грехе.

На следующий год уважаемый академик добился восстановления молодой жены в институте, а затем устроил ее перевод в престижный университет, диплом которого она и получила благодаря его заботам.

Затем любящий супруг, воспользовавшись своими многочисленными связями, пристроил ее в аспирантуру. Большой любитель поэзии, он написал ей кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Выполнив свою миссию, академик тихо скончался – и в тридцать два года Дина осталась вдовой. Но богатой.

Этим летом Дина отправилась в вояж по Европе с другом – известным политиком. Он был женат, поэтому, дабы не привлекать чрезвычайно нежелательного для него внимания представителей прессы, эти двое старались избегать популярных у туристов (особенно российских) мест. Сумасбродке Дине захотелось чего-то необычного. И пара, взяв напрокат машину, отправилась в Австрию, в местечко под названием Хинтертукс, чтобы отдохнуть от изнуряющей жары, царившей тем летом в Европе, и покататься на лыжах.

Они мчались по горному серпантину на мощном спортивном кабриолете «Феррари». Дина небрежно развалилась на переднем сиденье, задрала ноги на торпеду. Машина не вписалась в поворот и лоб в лоб столкнулась с микроавтобусом. Дина, которая не сочла нужным пристегнуться, вылетела из машины как артиллерийский снаряд. Ее долго не могли найти. Понадобилась специальная команда, чтобы вытащить из ущелья то, что от нее осталось.

Ее спутник заявил полиции, что не был знаком с пострадавшей. Он просто не смог отказать соотечественнице, попросившей подвезти ее. Девушка проигнорировала его просьбу пристегнуть ремень, результатом чего и стала ее гибель. По завершении следствия по делу он сразу же вылетел в Москву.

Вездесущие журналисты раскопали факты одновременного пересечения парой границы и их совместного проживания в гостинице.

Горе-любовнику стоило больших трудов и немалых денег устроить так, чтобы эта информация не просочилась в российские СМИ. Но он был человеком публичным, и когда Интернет запестрел переводами статей, опубликованных в западной прессе, ему все же пришлось

дать интервью. Рассказывая журналистам об обстоятельствах трагедии, он настойчиво повторял версию о случайной знакомой.

Когда Полина узнала подробности гибели Дины, ей стало стыдно за то, что она подозревала Глеба Владимировича в связи с этой молодой женщиной, которая, как оказалось, любила совсем другого человека. И в то же время в глубине души, боясь признаться в этом даже самой себе, она почувствовала облегчение – ведь теперь ревновать его было не к кому...

Злой холодный ветер с неистовой силой бил в лицо колючими снежинками. Каким-то непостижимым образом Полина оказалась у туристической компании, где они с Глебом Владимировичем оформляли поездку в Таиланд. В окне красовался баннер с надписью: «Нет туров в Египет и Турцию, зато вас по-прежнему ждет ласковый песок тайских пляжей!»

Тогда Глеб Владимирович получил очередной грант от очередного американского университета, по которому мог поехать на конференцию, проводившуюся в Бангкоке, с кем-то из коллег. Его выбор пал на Полину, и она, ни минуты не колеблясь, согласилась. Только в аэропорту она до конца осознала всю щекотливость создавшейся ситуации. С каким настроением провожал ее Кирилл, о чем судачат сотрудники, как сложится поездка? Впрочем, нет, все это беспокоило Полину с самого начала, но она упорно старалась не думать об этом. В глубине души молодая женщина надеялась на то, что они вновь будут близки, как тогда, в псковской гостинице, хотя ей стыдно было признаться в этом даже самой себе. Да ради этого она была готова на любое безрассудство!

Бангкок встретил их жарой, яркими красками и цветами. Организаторы конференции были знакомы с Глебом Владимировичем и принимали его как знаменитость. Впрочем, радушие и добросердечность хозяев распространялись на всех без исключения гостей.

Темой конференции была литература Юго-Восточной Азии, и Глеб Владимирович, к удовольствию Полины, покорила всех своим сообщением о тайском поэте девятнадцатого века Сунтоне Пу. Поэт-романтик много сделал для демократизации сиамской литературы. Язык его стихов был приближен к живому разговорному, поэтому получил название «клон талат», то есть «базарный стих». Свой доклад Глеб Владимирович так и назвал: «Базарный стих сладкозвучного Сунтона Пу». Он оказался единственным иностранцем, который делал сообщение о тайской литературе, а потому пользовался особым расположением всех представителей принимающей стороны – от переводчиков до министра.

В аэропорту Бангкока их встречала сотрудница университета Убон с китайцем-переводчиком Колей, который русский знал так же плохо, как и тайский. Вопрос: «Как долетели?» он переводил как: «Когда улетаєте?», а вместо предложения выпить кофе отправил их покупать сувениры. Все вздохнули с облегчением, когда обнаружили возможность общаться на английском.

Разместились в фешенебельном отеле и сразу же отправились осматривать архитектурный комплекс Королевского дворца.

Город напоминал улей. Казалось, ни один человек, ни одна повозка, ни один автомобиль не стояли на месте. Все двигалось, гудело и галдело.

Осмотр комплекса начали с храма Лежащего Будды, ожидающего достижения нирваны. Храм изумлял неземной красотой, погружал в сказку. Всюду сияла позолота, все сверкало и переливалось. От обилия ярких красок рябило в глазах. Около сотни ступ с замысловатыми цветочными узорами, выложенными из керамических плиток, слепили отражающимися от них солнечными лучами. Позолоченные статуи Будды, коим несть числа, стояли в окружении каменных бородатых стражей. Впечатляющее зрелище!

– Это самый большой храм Таиланда, – сказала Убон тоном заправского экскурсовода. – Он заложен еще в двенадцатом веке. Здесь в тысяча семьсот восемьдесят втором году генерал Чакри провозгласил себя королем Рамой I, основав таким образом новую династию правителей Таиланда.

Вошли в павильон с гигантской статуей лежащего Будды.

– Длина статуи – сорок шесть метров, а высота – пятнадцать, – продолжила свой рассказ Убон. – Сделана она из смеси гипса, песка и ракушек, а сверху покрыта золотом. Обратите внимание на трехметровые ступни, которые инкрустированы пластинками перламутра по черному лаку. Сто восемь рисунков на подошвах символизируют сто восемь особых качеств, отличающих Просветленного. Сто восемь – сакральное число в буддизме. Сто восемь томов содержит сборник высказываний Будды. Сто восемь бусин в буддийских четках. Такое же число покаяний и страстей. А если человек опустит по монетке в каждую из ста восьми медных чаш, расположенных вот там, вдоль стены, то он улучшит свою карму и все загаданные им желания непременно сбудутся.

От статуи великого учителя, погружающегося в нирвану после завершения череды переждений, веяло покоем и умиротворением.

Пока Глеб Владимирович рассматривал висящие на стенах храма картины с изображениями жизненных историй семи самых известных учеников Будды, Полина подошла к маленьким металлическим горшочкам, вокруг которых толпились туристы, жаждущие чуда. Она бросала монетки в чаши в надежде на исполнение своего единственного, самого сокровенного желания...

Затем Убон привела гостей в храм Изумрудного Будды – главный храм Таиланда и сердце Бангкока.

В центре храма находилась священная реликвия – небольшая статуя Будды в золотом одеянии, восседающего в позе лотоса.

– Тайцы верят в могущество Изумрудного Будды. По преданию, эта статуя семь дней и ночей вырезалась на небесах и была подарена Сиаму Ашокой – первым индийским правителем, принявшим буддизм, – рассказывала гостям их добровольный гид. – Возле этой статуи правители Таиланда присягают на верность народу и стране. Только король имеет право дотрагиваться до нее. Именно он три раза в год с наступлением очередного сезона переодевает Будду в новые одежды. Традиция соблюдается по сей день со времен Рамы I.

– Я правильно поняла, вы сказали «три сезона»? А почему не четыре? – спросила Полина,

– В Таиланде три времени года, – улыбнувшись, ответила Убон. – Лето, зима и сезон дождей. Здесь лето наступает в марте и завершается в августе, зима длится с ноября по февраль, а сезон дождей приходит в сентябре и кончается в октябре.

Выходя из храма, Убон с гордостью заметила:

– Благодаря покровительству Изумрудного Будды наша страна единственная в Индокитае не была колонизирована европейцами.

– Справедливости ради стоит добавить, что это стало возможным в том числе и благодаря помощи России, – заметил Глеб Владимирович.

– То есть? – удивилась Убон.

– Когда Рама V во время своей поездки по Европе в самом конце девятнадцатого века безуспешно искал поддержки в разрешении франко-сиамского конфликта, он посетил и Россию. Его фотографию с российским императором Николаем II напечатали во всех европейских газетах, что во Франции истолковали как намерение нашей страны поддержать Сиам, а конфликтовать с ней французам было вовсе ни к чему.

– Никогда об этом не слышала, – призналась Убон.

– А о романе его сына с русской медсестрой вы, конечно же, знаете? – спросил Глеб Владимирович.

– О, да, разумеется, эту романтическую и печальную историю у нас знают все!

Из обители Изумрудного Будды отправились в Королевский дворец.

На пути им то и дело встречались мастерски изготовленные фигуры гаруд – ездовых птиц бога Вишну и зловещих демонов.

– А почему храм Изумрудного Будды? Ведь он сделан из нефрита, – шепотом спросила Полина Глеба Владимировича.

– Этого я не знаю, – так же тихо ответил он, – но Убон мы об этом спрашивать не будем – поищем информацию сами. А знаешь, я недавно прочел в одной статье, что эта статуя сделана вовсе не из нефрита, а из жадеита. Эти минералы хотя и очень похожи, но все-таки не одно и то же.

Королевский дворец был гораздо скромнее культовых сооружений, тем не менее поражающе изяществом и гармонией.

Многочисленные туристы жаждали сфотографироваться с гвардейцами, стоящими на карауле.

– Ваши гвардейцы очень напоминают гусар русской армии, – заметил Глеб Владимирович, обращаясь к Убон.

Девушка объяснила, что форма королевских гвардейцев позаимствована у офицеров русской армии. Принца Чукабона, обучавшегося в российской Академии Генерального штаба, так впечатлили русские гвардейцы, что он решил одеть свою армию в их форму. Правда, в последние десятилетия ее носит исключительно почетный караул короля. Но национальный гимн, созданный при участии русского композитора Петра Андреевича Щуровского, дважды в день звучит во всех уголках Таиланда.

– Да-а, – протянул Глеб Владимирович, – я и не предполагал, что и в далеком Таиланде обнаружится столь явный русский след.

– Ну что вы! Связи наших стран куда более тесные, чем может показаться на первый взгляд, – ответила Убон. – В две тысячи седьмом году, по случаю сто десятой годовщины установления тайско-российских дипломатических отношений и в память о пребывании Рамы V в Петергофе, наше правительство выделило шесть миллионов долларов на реставрацию этого шедевра.

– Однако! – многозначительно произнес Глеб Владимирович, вызвав своей репликой недоумение Убон.

Пройдя через рыбный рынок, изобилующий экзотическими сушеными морскими продуктами, компания села в стоящий у причала невообразимо мутной реки Чаупхрая катер, который, юрко лавируя между бесконечным потоком паромов, прогулочных катеров, баркасов,

похожих на ореховую скорлупу лодочек и прочих немислимых плавсредств, помчал их к противоположному берегу, к храму Утренней Зари.

Воспользовавшись паузой в экскурсии, Полина спросила:

– Глеб Владимирович, а что это за романтическая история, о которой знают все, кроме меня?

– Во время своего путешествия по странам Востока с тысяча восемьсот девяностого по тысяча восемьсот девяносто первый год цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II, посетил в том числе и Сиам – так раньше назывался Таиланд, – где был тепло встречен королем Рамой V. Кстати, исследуя творчество Сунтона Пу, я узнал, что во время своего визита в эту страну отпрыск царской фамилии побывал в театре Лакхон на представлении пьесы Пу «Пхра Апхаймани». Это была одна из основных причин, побудивших меня подготовить доклад о его творчестве.

Николай был так тронут радушием сиамского короля, что пригласил его на свою коронацию. Рама не смог приехать на церемонию, но послал делегацию во главе со своим старшим сыном. Сам же посетил Россию на следующий год – стало быть, в тысяча восемьсот девяносто седьмом году, – и его так восхитила наша загадочная северная страна, что позже он отправил своего младшего сына учиться сначала в Пажеский корпус, а затем и в Академию Генерального штаба.

Молодой принц влюбился в простую русскую девушку – кажется, ее звали Катя и она была медсестрой, – женился на ней и увез в Сиам. Вот такая она, любовь, – многозначительно закончил свой рассказ Глеб Владимирович.

– А я тоже кое-что знаю об отношениях между нашими странами, – сказала Полина. – Например, то, что статуя Будды в буддистском храме, который находится на Приморском шоссе, подарена тайским королем. К сожалению, каким и когда именно, не могу вспомнить.

Тем временем катер причалил к берегу. Необычность храма Утренней Зари, кроме того, что его главная пагода – самая высокая в Бангкоке, заключалась в оригинальной отделке его стен. Они были украшены рисунками и мозаикой из обломков цветного китайского фарфора. При свете солнца разноцветные осколки играли и переливались всеми цветами радуги.

Убон рассказала, что по легенде, очень давно в реке Чао Прайя затонуло китайское судно, перевозившее фарфоровую посуду. Местные жители, поднявшие его со дна, решили использовать осколки фарфора в украшении храма. Но этого материала не хватило, и тогда каждый житель города принес сюда чашку, тарелку или иной предмет из домашней утвари, чтобы украсить храм, лишь бы он не остался недостроенным.

К вечеру съехались все участники конференции, и министр образования устроил прием на огромном катере, оформленном в национальном стиле. Столы на его нижней и верхней палубах были заставлены такой изумительной красоты изысканными блюдами, что к ним боязно было даже прикоснуться. На вкус шедевры тайского кулинарного искусства оказались столь же превосходны.

– Вот это да! – восхищенно воскликнул Глеб Владимирович.

Отчалили засветло. Гости любовались берегами Чаупхрая. Утонченные силуэты буддистских храмов соседствовали здесь с гигантскими небоскребами, роскошные дворцы – с ветхими рыбацкими хижинами на деревянных сваях, уходящих под воду. Редкое очарование придавали реке стирающие белье женщины и плескающиеся подле них дети. Слева и справа от реки отходили многочисленные каналы, что напоминало паре родной Петербург.

Фольклорные ансамбли сменяли друг друга. Необычным было все: мелодии, голоса, телодвижения, костюмы. Исполнительницы то и дело приглашали гостей на сцену и предлагали им

танцевать вместе с ними. Полина оказалась такой музыкальной и пластичной, что в конце шоу не уступала в исполнительском мастерстве профессиональным артисткам. Глеб Владимирович с нескрываемым удовольствием слушал комплименты мужчин в ее адрес.

Кромешная тьма южной ночи в считанные минуты накрыла реку и древний город ангелов. Оригинально подсвеченные мосты, дворцы и небоскребы придавали ему волшебное очарование. Таинственно сверкающие по берегам реки верхушки буддистских храмов даже в ночи отливали золотом.

Прогулка закончилась далеко за полночь.

– Я пришел к выводу, что тайское гостеприимство, пожалуй, вполне может соперничать с русским, – заметил Глеб Владимирович, прощаясь с Полиной.

Утомленная жарким и насыщенным впечатлениями днем, Полина вошла в номер и без сил рухнула в кресло. Вскоре ее сморил сон, и она оказалась у огромного фикуса, под которым восседал Будда.

– Ты просила меня об исполнении естественного для каждой женщины желания быть рядом с любимым мужчиной и вместе с ним воспитывать сына, – обратился к ней Будда. – Я исполню все разумные желания. Выполню и твое.

У Полины затрепетало сердце в предвкушении чуда.

– Я выполню эту простую просьбу, – продолжал Будда. – Но если сделаю это немедленно, нарушится Великая гармония Вселенной и твоя жизнь превратится в ад.

Люди постоянно испытывают страдания, причина которых – довлеющие над ними желания. Любовь часто бывает эгоистичной, вызывает загрязнение ума и превращается в потребность обладать другим.

Человек есть частичка Вселенной, законы которой он должен соблюдать ради гармонии. А гармония Вселенной зиждется на равновесии между противоположностями. Страсть не должна угнетать разум, иначе равновесие нарушится, Вселенная же непременно его вернет. Соблюдай Великий закон Вселенной – и она сама выведет тебя к счастью. Твое счастье – в достижении максимального равновесия.

Любовь несравненно сильнее разрушения. Ее священная сила – в радости, в согревающем, а не испепеляющем огне, в животворящем, а не ослепляющем свете. Поэтому ты будешь его возлюбленной и единственной женой в следующей жизни, – закончил свою речь Будда и растворился в пространстве.

Полина на мгновение очнулась от дремы со смешанным чувством радости и отчаяния.

– И все же лучше бы в этой жизни, – пробормотала она и вновь погрузилась в сон, в глубине души надеясь, что в его продолжении вопрос решится как-то иначе.

Благодаря разнообразной и интересной культурной программе конференция больше напоминала туристическую поездку.

Утренние заседания были и в самом деле утренними. Они начинались в семь часов и заканчивались к полудню. После обеда участники конференции отправлялись на очередную экскурсию. За четыре дня успели побывать в загородном королевском дворце и древней столице Сукхотхай, посмотреть шоу крокодилов и шоу слонов.

Двухдневная экскурсия в Сукхотхай произвела на них особое впечатление.

Великая Кхмерская империя, процветавшая пять столетий на территории современных Камбоджи, Вьетнама, Таиланда и Лаоса, с центром в Ангкоре, разьедаемая внутренними про-

тиворечиями, к концу восемнадцатого века утратила былую мощь. На северо-запад с земель Китая пришли народы, называвшие себя таи, что означает «свободные». Закрепившись на плодородных землях, они бросили вызов господству кхмеров. Город Сукхотхай, что в переводе на русский означает «рассвет счастья», основанный в тысяча двести тридцать восьмом году, стал столицей зарождающегося тайского государства. И вот теперь, полуразрушенный, но по-прежнему величественный, он привлекал тысячи туристов со всего мира.

После экскурсии все разбрелись по этнографическому парку. Глеб Владимирович и Полина направились к храму, стоящему на двадцати четырех слонах, чтобы поближе рассмотреть это необычное сооружение. Зрелище было впечатляющее. Слоны, выполненные в натуральную величину, выглядели, как живые.

– Бедняжкам, наверное, тяжело держать на себе такую махину, – заметила Полина.

– Они же слоны, это их участь, – ответил Глеб Владимирович. – Мне, пожалуй, в этом отношении эрмитажных атлантов больше жалко. Здесь хоть тепло, а наши, бедные, стоят полунугие и в зной, и в лютый мороз.

Причудливые сооружения храмового ансамбля отражались в водоемах. Рядом с цветками нежных лотосов то и дело появлялись головы цветных карпов, жадно глотающих воздух.

Глеб Владимирович обнял Полину за плечи и, как тогда, в псковской гостинице, они стояли, прижавшись друг к другу, и любовались древними развалинами. Сердце молодой женщины билось так сильно, что ей казалось, будто рыбы ныряют под листья лотосов, испугавшись его стука. Полине так хотелось повернуться к нему, обнять и осыпать его лицо поцелуями, но горький осадок, оставшийся после того вечера, останавливал ее.

На противоположном берегу пруда стоял довольно хорошо сохранившийся храм, вокруг которого сновали люди. В самом здании было много монахов, распевавших мантры, и тайцев, исполняющих какие-то ритуалы. На выходе встретили Убон. Она объяснила им, что в беседке перед входом можно приобрести набор для совершения ритуала.

– Церемония очищения кармы называется «тамбун», – сказала она. – Зажженную свечу и ароматические палочки вы ставите перед одним из изваяний Будды, цветок лотоса опускаете в чашу, а листочек сусального золота приклеиваете к одной из статуй.

– Не то чтобы моя карма была сплошь загажена грехами, но из почтения к Вселенной я готов совершить этот ритуал, тем более в таком намоленном древнем храме, – совершенно серьезно сказал Глеб Владимирович и направился к беседке.

Вернувшись к Полине, он вручил ей набор для проведения ритуала и со словами: «Хочу пообщаться с высшими силами тет-а-тет» ушел в другой конец храма.

Полина ничего не просила у Будды. Молча совершив ритуал, она неожиданно для себя ощутила необыкновенные легкость и бодрость.

По окончании конференции они отправились на Пхукет – роскошный тайский курорт, расположенный на живописном острове.

Интерьеры гостиницы, оформленные в национальном стиле, ее доброжелательные и внимательные сотрудники с подкупающе искренними улыбками сулили комфортный отдых. Получили ключи и разошлись по номерам, договорившись отправиться на ужин через полчаса. В назначенное время в дверь номера Полины постучали.

– Входите, – крикнула она.

Дверь открылась, и на пороге появился настоящий денди в белоснежном костюме. Полина с трудом узнала в нем Глеба Владимировича.

– Вот это да... – растерянно пробормотала она.

Войдя в номер и закрыв за собой дверь, Глеб Владимирович, не произнеся ни слова, решительным шагом направился к Полине, и какая-то неведомая сила толкнула ее к нему навстречу. Через мгновение они уже сжимали друг друга в неистовых объятиях, как изголодавшиеся любовники, которые вынуждены были надолго расстаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.